

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мина
ДЖЕЛЬ

Прости,
ЧТО НЕ МОГУ
ТЕБЯ ЗАБЫТЬ

Тина Джель

**Прости, что не могу
тебя забыть. Книга 1**

<https://litres.ru/74393988>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мы познакомились на первом курсе института, и сразу влюбились друг в друга по уши.

Он — сын богатых родителей, я — обычная девочка из провинции.

Его родители поставили нам условия, которые оказались для меня неприемлемы. И мы наделали кучу глупостей, не оставив ни единого шанса нашим отношениям.

Спустя много лет мы снова встретились, и поняли, что чувств между нами всё та же бездна.

Вот только он — женат, я — несвободна.

И куча ошибок в прошлом, которые не забыть...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	67
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Прости, что не могу тебя забыть. Книга 1

Пролог

Сегодня...

— Не понимаю почему я не могу поехать с тобой? — моя рука с помадой, висит в воздухе.

Я не ждала его так рано.

— Ты разве не у родителей? — палюсь безбожно.

— Они нас двоих приглашали. Не помнишь? — Аргх! — он это специально мне сейчас говорит?

Или я вновь надумываю себе лишнего?

Витя мой парень. Любит меня. Предложение вон сделал.

Бросаю быстрый взгляд на кольцо с бриллиантом, которое обещала ему никогда не снимать.

Он имеет полное право знать с кем я провожу свободное время. Особенно, если без него.

Делаю нечеловеческое усилие и, беспечно улыбаясь, говорю его отражению в зеркале:

— Сегодня юбилей свадьбы у моих студенческих друзей, такая своеобразная встреча выпускников... Тебе будет скучно... — короткими мазками наношу помаду на губы. Растушёвываю её пальцем.

— У тебя всегда находятся дела поважнее меня, — делано ахает он.

А потом подходит совсем близко. Сжимает мою талию руками, отчего халат на груди распахивается, открывая взору его очаровательные бирюзовые кружавчики, купленные специально для сегодняшнего вечера. Интуитивно поправляю запах.

— Мне никогда не бывает с тобой скучно... — продолжает он, делая вид, что ничего не замечает, опираясь подбородком на моё плечо. Рассматривает моё отражение в зеркале.

Встречаюсь с ним взглядом, и чувствую укол вины за свою холодность.

— Там Марго будет, ты её не любишь... — подключаю тяжёлую артиллерию.

— Тем более... В последний раз, когда она приезжала, я неделю тебя не видел...

— Не придумывай, всего три дня...

— День за два, когда ты с ней, и молоко за вредность...

— Будет тебе молоко, — подхватываю его шутливый тон, и тяну за руку в комнату.

Он безропотно повинуетя.

Нет, я очень хорошо к нему отношусь. Три года как-никак вместе. «А это вам не плюшки лопать» — любит говорить один мой знакомый и, по совместительству, друг моего бывшего, из-за встречи с которым я так сегодня волнуюсь.

Тогда, много лет назад, казалось, что сердце у меня из гру-

ди вырвали и там дыра осталась. Думала никогда уже не за-
растёт.

Но, — нет. Затянулась . Даже личную жизнь вон получи-
лось наладить.

Скидываю халат.

Дыхание за моей спиной мгновенно тяжелеет...

Улыбаюсь довольно.

Разве он не чудо?

— Застегни..., — прошу, надев платье.

Горячие губы прижимаются между моих лопаток в тот са-
мый момент, когда экран телефона вспыхивает сообщением
от Марго:

«Жду тебя внизу».

— Не сейчас, Марго подъехала, — дотрагиваюсь до его
ладони на своём плече.

Витя молча застёгивает молнию. Проводит пальцами по
моей шее, и я уже даже знаю, что последует дальше...

— Ты очень красивая, — шепчет чуть подсевшим голо-
сом.

Бинго!

— Постараюсь вернуться сегодня пораньше, — аккуратно
выпутываюсь из его рук.

Каждый день себе повторяю, что должна быть безмерно
счастлива, отхватив себе такого завидного жениха в своём
предпенсионном возрасте.

— Рит, — удерживает он меня за плечи, — я записал нас

на консультацию к врачу...

Поначалу не понимаю о чём речь. А когда до меня доходит, окатывает волной возмущения. Сжимаю зубы.

— А моим мнением поинтересоваться была не судьба? — поворачиваюсь к нему лицом.

— Я хочу ребёнка...Рит...

— Когда?

— На следующей неделе...

— Что за клиника?

— Лучшая, мне её друзья посоветовали, — с трудом сдерживаюсь, чтобы не закатить глаза. — Я уже беседовал с нашим врачом, он тебе понравится, вот увидишь...

— Хорошо, — обрываю его, и отворачиваюсь, когда он пытается поцеловать меня в губы, подставляя щёку. Нечего.

Выскакиваю в коридор, в висках стучит...

Адски неприятно, что он вот так всё решил не посоветовавшись со мной.

— Как там Витюшка поживает, привет мне не передавал случайно? — подливает масла в огонь Марго.

Усмехаюсь.

Не любит она Витю.

— Ты там сегодня аккуратнее, Нинель беременна...

— Козлина твоя бывшая тоже будет?

— Сама разберусь, не лезь...

— Естественно, — кривит она губы в усмешке, — пока не доехали, хочу чтобы ты мне клятвенно пообещала дорогая,

что доченьку мою несовершеннолетнюю не оставишь одну, пока я буду срок отбывать за принудительное оскопление одного бешеного животного....

Я только закатываю глаза. Ничего не говорю. И не обижаюсь.

Марго единственная знает, с какими потерями я вышла из той своей безумной любви. Чудо, что жива осталась.

Но меня это больше не волнует. Всё в прошлом.

Задерживаюсь у зеркала, когда в ресторан заходим. Осматриваю себя внимательно со всех сторон.

Несколько циклов дыхания.

Широкий шаг от бедра.

Взгляд скользит по лицам гостей, сидящих за праздничным столом, безошибочно останавливаясь на нём.

Кожу покалывать мгновенно начинает. Везде. Эта неконтролируемая реакция моего организма на него, не поддаётся никакому объяснению и здравому смыслу.

В следующую секунду он встаёт со своего места. Наши глаза встречаются.

Кровь ударяет в виски. В лёгких воздух заканчивается, когда вспоминаю, как мы любовью с ним занимались...

Грёбанный татарин!

Глава 1

Первая встреча..

Первые дни сентября. Погода обалденная стоит. Такие тёплые солнечные дни, каких не было даже в июле. Можно было бы подумать, что лето всё ещё продолжается, если бы не пожелтевшие листья на деревьях, да моя новая студенческая жизнь.

Непонятная пока, жизнь...

Полночи наш бригадир-старшекурсник, со звучной фамилией — Кох, трахался в своей комнатёнке, расположенной на входе в наш колхозный барак. Звездец!

Стены тонкие, слышимость такая, как будто на соседней кровати всё это происходит.

Блиин...

«Ух-ух-ух» — ещё и голос у него такой...узнаваемый. Если не ошибаюсь, — «низкий бас», довольно редкое природное явление.

Боже, куда я попала?!

Закрываю ладонями лицо. Щёки пылать начинают. Стыдно, как будто под кроватью у них лежала, подслушивала втихаря.

И смех и грех...

Я сижу на какой-то картонке прямо на земле, опираясь спиной на толстое, отполированное до блеска бревно. Судя

по многочисленным бычкам, валяющимся вокруг, место это используется, как курилка. Сейчас, правда, тут никого нет. Расслабиться можно.

Второй день в колхозе, а познакомиться так ни с кем и не получилось. Бригадир за каким-то фигом, оставляет меня дежурной в лагере, тогда как все в полях развлекаются. Вчере хотела уже к нему подойти, скучно одной. Но...

...занят он был...

Не надо было, наверное, в колхоз ехать. Прав был Сёмка. Он вообще был против, чтобы я сюда поступала: «что это за профессия такая жопой вилять?» Смешной... Прямо, как бабушка моя рассуждает.

Только вот на другое денег у меня не было. Если бы не Светлана Марковна — мой педагог по хореографии, я бы и сюда вряд ли попала. Не решилась бы.

В кустах какое-то шевеление слышится, отвлекает меня от размышлений.

Присматриваюсь...

— Ждёшь кого? — смотрят на меня из кустов огромные голубые глаза, которые я тут же вспоминаю.

Это она ночью торжественно поздравила нашего бригадира с оргазмом, пожелав ему: цистит, простатит, импотенцию и пятерняшек от ночного траха.

— Нет... — отвечаю, не сдерживая улыбки. Подхватываю на лету ярко-оранжевый кленовый лист, упавший с дерева в этот момент прямо на мою ладонь.

— Помощь нужна...

— Если смогу... — кручу листочек в руке. Красивый.

— Иди за мной... .. командует. Поворачивается, и почти бежит, ничего больше не объясняя.

Встаю. Догоняю её.

— Я — Марго, если что... — представляется, на ходу.

Усмехаюсь. Тёзка моя.

— Рита... — скромненько сообщаю.

— Терпеть не могу это имя, — надуваю по-детски щёки, не понимая, как реагировать на её заявление. — Вырасту, подменяю... Но тебе идёт...

А. Ну ладно, если так...

— Уже придумала?

— Что?

— Имя.

— Нет...я не тороплюсь так-то...

— Понятно... — ничего не понятно, но жуть как интересно становится.

— Ты из балетных что ли? — интересуется, оглядываясь по сторонам.

— Ага...

— То-то я тебя на экзаменах не видела, первым потоком шла?

— Ну да...

— А чего в колхоз припёрлась? — вежливая.

— В смысле?

— Так вас вроде освободили от помидорного рабства, в городе оставили.

— Да? Не знала...

Я так-то вообще не поняла, как поступила. Спецуху сдала, в списках себя нашла и уехала. В общагу абитуриентов не заселяли, жить негде было. В сентябре приехала, как в деканате сказали. Опоздала немного. Секретарь, выслушав, отправила меня в колхоз, где меня Кох уже встретил самолично.

— Ну, я могу ошибаться, у Любани уточни, это она у нас всё про всех знает, — Марго вдруг вскидывается, резко меняя тему: — смотри, — показывает пальцем на телёнка, одиноко гуляющего в поле, — я сейчас его подкармливать буду, а ты сзади страхуй, не давай ему сбежать, — вытаскивает из-за пазухи мешок с нарезанным хлебом.

— Он зачем тебе? интересно стало.

— Да, достали эти сношающиеся в ночи... — замолкает и начинает медленно подходить к бычку.

Я не мешаю. Наблюдаю стою, не понимая, что она задумала и при чём тут сношающиеся...

А потом честно подгоняю бычка сзади, не позволяя ему сбежать от нас.

Как мы умудрились его заманить в бригадирскую комнату, я так толком и не поняла.

Очнулась уже в курилке, сидя на бревне.

Адреналин по венам фигачит так, что руки трясутся.

— На... — Марго протягивает сигарету...

— Не курю... — выдыхаю, с трудом сдерживая смех.

Никак успокоиться не могу.

Марго прикуривает, вставляет мне сама сигарету в пальцы, та, вываливается из рук, падает на землю. Отчего ещё смешнее становится.

— Т-ш-ш... — шикает она на меня, прислушиваясь. — Завалишь нам всю операцию.

Хватаюсь за руку с сигаретой второй рукой, чтобы она не ходила у меня ходуном. Держу её около губ... Деловая...

— Марго? — из кустов осторожно выглядывает девушка, кажется, которая Любаня. И, осмотревшись по сторонам, падает перед нами на колени, согнувшись пополам, в приступе хохота...

Ничего себе попец! — удивлённо распахиваю глаза. Она тоже хореографиня?

— Блядь, там этот бедолага обдристал от страха всю коморку, Кох в бешенстве... — стонет она, ползая на карачках по земле. — Я Люба, — хрюкнув от смеха, всё ж таки представляется.

Фыркаю, не в состоянии произнести ни слова.

— Успели? — спрашивает у неё Марго.

Вздёргиваю удивлённо брови. Не посвящена я была в подробности тщательно спланированной операции.

— Мы с перепуга ей всю упаковку в кровать вальнули, — сообщает Люба, чуть успокоившись, — сами надышались, — чихает... — Валушка в душ убежала..

— Чего надышались? — настораживаюсь.

— Перца чёрного...

— А...

— Мы хотели ещё плакат ей над кроватью повесить: «шлюха, блядь и хуесоска» — начинает делиться планами Марго. — Замолкает резко, пальцами ухо оттопыривает. Потом подносит к моей потухшей сигарете зажигалку. — Кури давай мать...

Легко сказать...

Но честно затягиваюсь и, благополучно тут же, закашливаюсь, выпуская дым прямо себе в глаз. Глаза щиплет, слёзы выступили. Отворачиваюсь. Пытаюсь проморгаться. Пальцами слезинки с глаз вытираю.

— Не стесняйтесь, мы не смотрим на вас, — орёт Марго, перетягивая внимание на себя.

— А чего нам стесняться!? — басит бригадир, выныривая из кустов в сопровождении такого же высоченного парня, как и он сам.

Не смотрю на них. Но по ощущениям, они как раз очень внимательно нас рассматривают стоят.

Я с трудом сдерживаю хохот. Забыть бычка, обдриставшего комнатнушку этого самого бригадира, — непросто.

— Ну, если вы вдруг пописать сюда пришли, а у вас там всё маленькое, так мы не смотрим, если что, — продолжает глумиться Марго.

Люба таки фыркает...

— Проверить хочешь? — обнимает её Кох.

— Что проверить?

— Какое там у меня всё маленькое...

— Да у меня парень есть...зачем мне твоё барахло... — смелая.

— Ну, так мы ему не скажем...а? — переходит он на интимный шёпот, прижимая её к себе.

Люба взвизгивает. Отбиваться начинает. Он прижимает её сильнее. И выражение лица его такое серьёзное, что не понятно, шутит он или всерьёз.

Опыта у меня никакого в таких делах. Но воздух вокруг нас начинает подрагивать от напряжения.

— Люб, зажигалка у тебя? — подхожу к ней с потухшей сигаретой.

Кох замирает сразу, взгляд на меня переводит.

Люба смахивает его руку с себя, щёлкает зажигалкой. Я с горем пополам вроде как прикуриваю. Огонёк зажигалки слепит глаза в быстро наступивших сумерках. Поднимаю голову, ничего не вижу.

— Дитё, — раздаётся над ухом, — тебе лет сколько?

Теряюсь.

Зачем ему эта ценная информация?

— Отвали от неё Кох, это сестра моя...близняшка, — переходит на ультразвуки Марго.

— А ничего, что близняшка твоя, сигарету вместо соски сосёт?

Начинается...

Хочется закатить глаза. Еле сдерживаюсь.

— Ну пиздец блядь, — не теряется Марго, — что-то ночью ты ни у кого возраст не спрашивал, когда хуесоску свою трахал...

— За базаром следи...

Щёки вспыхивают от их откровений. Неловко становится. Стою, моргаю, сигарету меж пальцев сжимаю.

— Рано тебе ещё курить малёк, — сигарета из моей руки волшебным образом исчезает. — Даже держать не умеешь...

Что за наглость?

Поворачиваю голову на голос. Да твою же мать!

Если бы греческие боги существовали, этот парень был бы точно одним из них. Его лицо выглядит, как произведение искусств. Чего только глаза, цвета ночного неба, стоят. Отражающие в себе миллиарды разбросанных по небу звёзд...

Наши взгляды — мой недовольный и немного растерянный, и его пристальный — встречаются.

Он затягивается сигаретой, которую только что у меня отобрал. Рассматривает меня откровенно с ног до головы и обратно. Кожу покалывает начинает. Во рту вдруг слюна собирается. Сглатываю. Получается неудобно громко. Ну и что...

— Это моё, — говорю, выдёргивая сигарету из его рук. Нечего...

Глава 2

— Ешь давай, — Люба пододвигает ко мне кружку с чаем. Кладёт на салфетку бутерброд, — откормить вас хочу, чтобы не одной мне с такой жопой ходить... — хлопает себя по округлым бёдрам...

Улыбаюсь ей, с удовольствием откусывая большой кусок от бутерброда. Голодная.

Попа у неё, и правда, выдающаяся. И ляхи.

Не знаю, как она умудрилась поступить с такой задницей на хореографию, или «блядмейстера» — как Марго обызывает наш факультет, и кто её старостой выбирал... Я при этом всё не участвовала. Но староста из неё, нужно сказать, отличная. Махом всех построила, когда мы вернулись, не хуже бригадира.

Который, кстати, куда-то исчез. И вряд ли вернётся сегодня.

В помещении всё ещё пахнет свежим навозом, несмотря на проветривание, освежители воздуха и спиральки от комаров, которых налетело немерено в открытые окна. Что уж говорить, про его комнатёнку. Туда вообще зайти невозможно. Девчонки рассказали, что говнецо у него там аж на потолке висело ...

Жалко ни в чём не повинного бычка, но он вроде как не пострадал. Выпустили его. Убежал домой...

Народу немного в нашем, похожем на армейскую казарму, бараке, с выстроенными в два ряда кроватями. Кто-то спит уже, накрывшись с головой одеялом. Кто-то по своим вечерним делам ушёл.

Мы сидим втроём в уголочке, около Любиной кровати, которая как раз стоит у стенки, отделяющей наше помещение, от комнатёнки Коха. И если уж я всё слышала, а моя кровать в самом центре находится, что уж говорить про тех, кто рядом с ним пытались уснуть...

— А ты его знаешь, да? — спрашиваю тихонечко Любу, дожевав бутерброд.

— Пфф, — Люба фыркает, — я с четвёртой попытки поступила. Измором, можно сказать, всех взяла... — хихикает. — Мы с ним в первый год вместе поступали, в общежитии тусили вместе. Раньше абитуриентам общежития давали, в холлах на матрасах размещали. Он, правда, в те времена, поскромнее был. Не такой наглый. Потом они с другом за каким-то хером в армию свалили. Если разведка не врёт, то друга его папаша на перевоспитание туда сбаврил. Только-только восстановились оба, не натрахаились ещё... — и так это всё спокойно и обыденно рассказывает, что я немного теряюсь.

И, кажется, краснею.

Люба замечает мой конфуз...

— Тебе восемнадцать же есть, да?

— Есть, конечно, после колледжа я... — говорю. Глаза закатываю И немного ребёнком себя рядом с ней чувствую.

Не из-за возраста, нет. Восемнадцать давно уже исполнилось. Совершеннолетняя. Просто я с такими откровениями, никогда не сталкивалась. То ли менталитет у нас в маленьких городах другой, то ли просто всё это мимо меня каким-то образом прошло. Для меня это всё в новинку. Непривычно.

Нет, мат я, конечно, слышала. Не без этого. Мама, когда с сожителем напивались, матерились не хуже сапожников. Уши в трубочку сворачивались. Но сама я никогда матом не ругалась. В колледже за мат нас жёстко наказывали. И знакомых матерщинников у меня в друзьях не было никогда.

Если только Сёмка иногда. И то потом по губам себя бил...извинялся.

Часто в эти дни его вспоминаю, но так до конца и не пойму, скучаю я по нему или просто привыкла, как к брату?

— Да он нормальный, в принципе, — продолжает Люба. — Трахает, правда, всё, что движется, но девки сами на него вешаются, парень видный, тут даже не поспоришь. Почему бы не взять, если само в руки идёт. А так вполне адекватный, не отмороженный. Как по мне, так друг его намного опаснее будет...

В груди ёкает почему-то, когда она друга его вспоминает. Он ведь таки отобрал у меня сигарету. Демонстративно затянулся пару раз. А потом сломал и выбросил. Придурок!

— А тебе общагу дали? — спрашивает Марго, присаживаясь рядом.

— Не знаю, — пожимаю плечами. — Сказали, что перво-

му курсу не дают, я и не спрашивала больше.

— Жить где будешь?

— У отца первые месяцы, потом посмотрим...

— Везёт...

— Да не очень, — морщусь. — Не очень у нас отношения...

Родители когда развелись, я с облегчением вздохнула. Последние годы их совместной жизни, адом для всех нас были. Каждый день скандалы да разборки. Порою дело до драк доходило. Невозможно было дома находиться. Я, конечно, на стороне матери всегда была. Защищала её, как могла. Поддерживала. С отцом почти не разговаривала. Да и потом, когда они развелись, отношения у нас с ним не складывались. Он со мной встреч не искал. Я — тоже.

Отец, и пары месяцев после развода не прошло, женился. Не зря мать, похоже, его подозревала да скандалы устраивала.

И она, после его женитьбы, как с цепи сорвалась. Начала себе нового мужа искать, чтобы не обидно было. Меняла сожителей, как перчатки. Домой всех подряд приводила. Куролесила с ними не по-детски.

Как-то я глаза ночью открыла, в комнате мужик стоит, на меня смотрит. Подскочила с кровати. Визжать начала. Мать прибежала, увела его. Но с тех пор спала всегда плохо, когда дома кто-то из её друзей находился. Сейчас нашла она вроде себе кандидата. Уже долгое время вместе. И неплохой вроде.

Не дурак. Ко мне хорошо относится. Только трезвыми они редко с ним бывают...

Никому об этом не рассказывала никогда. Стыдно было. Домой в последние годы никого из друзей не приглашала. Но шила в мешке не утаить, город у нас маленький. Все про всех всё знают.

Педагог по хореографии посоветовала в колледж пойти. Спасла меня тогда, можно сказать. Работу подгоняла: с малышками позаниматься или выступить где-нибудь за деньги. К себе ночевать частенько приглашала. Ничего не говорила в открытую, просто помогала.

И сюда тоже она отправила. Подальше от дома.

То, что отец предложил у его новой жены пожить, с их семьёй познакомиться, сюрпризом для меня стало. Поначалу отказаться хотела. Но, взвесив все «за» и «против», скрепя сердце, предложение его приняла. Нет у меня денег на съёмное жильё. Некому помогать.

— Да там в квартире и без меня народу дофига, — делюсь своими проблемами. Чуть ли не впервые за последние годы. — Дочь его новой жены с мужем, мама его жены. Несколько месяцев они ещё там, у нас будут жить, а потом сюда приезжают, как всё продадут. Так что...

— Тебе должны дать. Ты из балетных, Наденька своих не бросает. Подойди к ней... — Люба гладит меня по плечу, как будто понимает больше, чем я им рассказала сейчас.

Тепло становится.

— Это кто? — уточняю.

— Педагог по классике, ты чего мать... — Марго улыбается. Открыто. Хорошо. Без какого-либо подтекста.

— Да я так быстро на экзаменах отстрелялась, что не запомнила никого... — начинаю оправдываться, но добавить больше ничего не успеваю...

Одновременно поворачиваем головы на дверь, которая в этот момент щёлкает негромко. В комнату бочком Валя просачивается.

Высокая черноглазая девочка, с очень интересным Нижегородским прононсом.

— Кох идёт... — шепчет, вытаращив глаза.

— По матрёшкам! — командует Марго.

Люба быстро составляет кружки на тумбочку. Дружно разбегаемся по своим местам. Только успеваю накрыться покрывалом...

— На первый, второй — рассчитайсь! — басит Кох, включив свет.

Следом его друг заходит. Идут вдоль рядов кроватей, нагло всех разглядывая. Девчонки хихикать начинают, заигрывают с ними.

На перекладину моей кровати облачивается греческий божок. И буравит своим взглядом так, что волосы дыбом по всему телу поднимаются.

А потом кивает мне подбородком на выход...

Да щас прям, бегу и падаю...

— Видел... — шепчу одними губами, демонстрируя ему фигу из под покрывала...

Глава 3

Он приподнимает удивлённо бровь.

Медленно переводит взгляд своих чёрных очей с моей фигуры на моё лицо. И, чуть наклонив голову на бок, так внимательно смотрит на меня, что чуточку не по себе становится. Останавливается взглядом на моих губах. Потом на шее. И снова на губах...

У меня складывается ощущение, что рассматривает он меня, как забавную экзотическую зверушку, призванную развеять его скуку на досуге.

Я, в отместку, тоже окидываю его взглядом, пытаюсь между делом понять: мне дёру пора уже давать или полежать ещё можно?

Вокруг притихли все, на нас уставились, ждут чего-то.

Образовавшаяся тишина, неприятно давит на уши. Напрягает.

На всякий случай отползаю от него к изголовью кровати, натягивая покрывало аж до самого подбородка, нечаянно оголяя при этом стопы.

Он тут же переводит взгляд с моего лица на мои разноцветные ногти. Уголки его губ чуть приподнимаются в усмешке. В глазах странный огонёк вспыхивает.

Чем ему мои ногти не понравились? Я тут развлекала себя изо всех сил, коротая время в гордом одиночестве пока

другие помидоры собирали.

И пока мозг мой перебирает возможные варианты выхода из дурацкой совершенно ситуации, над ухом вдруг раздаётся настойчивое жужжание.

Задерживаю дыхание. Прислушиваюсь.

Так и есть. Над головой моей летает бесстрашный маленький комарик.

«Где убийца? Где злодей?

Не боюсь его когтей!» — всплывают в голове слова из всем известной «Мухи-Цокотухи» Корнея Чуковского, отчего вдруг становится смешно. В тему же...

С трудом сдерживаюсь, чтобы не растянуть губы в предательской ухмылке, глазами пытаюсь отыскать оборзевшего маленького кровососа, который в этот момент странным образом вдруг замолкает.

— Ай! — взвизгиваю в тот самый миг, когда чья-то рука шлёпает меня по стопе.

Интуитивно дёргаю на себя ногу. Она не дёргается зараза такая. Вскидываю взгляд: один наглый тип держит мою ногу в своей руке, с интересом разглядывая мои разноцветные ногти.

— Отдай, — пишу, дрыгая ножкой.

Бесполезно! Откуда в нём столько силищи?

— Кох, — подаёт он вдруг голос, — как зовут эту сладкую девочку? — спрашивает громко, размазывая по моей коже несчастный трупик комарика, перемешивая его тельца с ка-

пелькой моей крови.

О-БАЛ-ДЕТЬ!

Он даже не у меня это спрашивает...

Сжимаю зубы от возмущения так сильно, что челюсть сводит, попутно пытаюсь проглотить кучу матерных слов, которые так и лезут из меня наружу, забыв напрочь, что девушка я приличная и матом, в норме своей, не ругаюсь.

Кох неторопливо, подходит к моей кровати. Скромненько садится на краешек у моих ног. Прищуривает свои выразительные глазищи, и торжественно объявляет всем присутствующим:

— Давыдова Маргарита Александровна, восемнадцать лет. Скоро девятнадцать будет. Большая уже, можно повзрослому дружить...

Мне хочется со всех сил лягнуть его пяткой в бок, чтобы он заткнулся. Или хотя бы лыбиться перестал. Опираясь на локти, со всех сил дёргаю ногой. Но стопу мою вдруг резко сжимают горячие пальцы, а сразу следом она падает на кровать, отскакивая несколько раз от панцирной сетки.

Набираю в грудь воздуха побольше, чтобы возмутиться...

— Концерт по заявкам, — опережает меня громкий вопль Марго.

Поворачиваем разом головы — она стоит поперёк своей кровати, поставив ноги на края рамы чтобы не провалиться внутрь выдавшей виды панцирной сетки. Сжатый кулак держит около губ, имитируя микрофон, и орёт:

— Ансамбль, ни слуха ни голоса...

— Э-э...Марго, хорош, — тщетно пытается перекрыть её Кох, подпрыгивая с места.

Только Марго его не слышит...

— Специально для дорогих гостей, почтивший нас своим ночным визитом ...песня... — переходит на ультразвук. И, судя по тому, что многие присутствующие закрывают уши руками, зубы от её воплей ломит не только у меня. — Сим-о-о-на, — начинает она петь, не попадая ни в одну ноту... — Сим-о-о-на, девушка моей мечты... — входит в образ, и начинает пританцовывать на скрипучей сетке.

— Марго... — тщетно пытается перекрыть её Кох.

Только на него больше никто не обращает внимания. Всё внимание сейчас на Марго...

«Вам тап табу дап» — на кровать к ней запрыгивает Валя.

«Табу дап табу дабу дап» — присоединяется к ним Люба, а Марго вдруг вспоминает, что у неё есть слух, оказывается. И перестаёт фальшивить.

Вот, блин, были у меня подозрения, что это всего лишь её изошрённые методы воздействия на нежный слух музыкантов, не более.

«Тадап табу дап табу дабу да...» — подключает свой невероятной красоты бас Кох.

Я так увлечена их импровизацией, что не замечаю, как Греческое божество оказывается рядом со мной.

Напрягаюсь, почувствовав его руку на своём плече. Резко

поворачиваю голову.

— Не бойся, — говорит он мне, демонстрируя просто сногшибательную улыбку.

Берёт прядку моих волос. Пропускает её сквозь пальцы, внимательно наблюдая за процессом. Потом накручивает её на палец, подносит к носу, нюхает чуть прикрыв глаза...

Я не знаю как на всё это реагировать.

Сердечко в груди замирает, а потом: «бах-бах-бах» — набирает обороты со страшной силой.

Кроме Сёмки я ни с кем из мальчиков не общалась никогда. А с ним мы только целовались. И не могу сказать, что мне это жуть как понравилось. Перед самым моим отъездом, мы правда, чуть непоправимое с ним не сотворили. Его родители как раз уехали куда-то, ну, мы и зашли к нему...фильм посмотреть. Опомнилась, когда уже в одних трусиках осталась, начала отбиваться. Он обиделся поначалу, кричал. Неприятности всякие мне говорил. Думала не придёт провожать. Всё — закончилась наша многолетняя дружба. Пришёл, как миленький. Ещё и заявил, что так даже лучше. Так он будет уверен, что у меня никого не было до него.

И Сёмка никогда так не делал...

Я смотрю, как этот наглец играет с моими волосами. Делаю глубокий вдох.

— Меня Айрат зовут... — сообщает он мне шёпотом.

Моё дыхание рвётся. Мозг начинает биться в истерике...

«Нельзя поддаваться на провокацию Рита!» — изо всех сил пытаюсь взять себя в руки.

— Отвали, — вскидываю на него офигевший от происходящего взгляд.

В ответ он только усмехается незлобно. Прищуривается.

— До завтра тогда, — говорит, будто ничего не слышал. — Кох, у нас завтра во сколько мероприятие?

— Так, внимание! — останавливает всех Кох. — Завтра официальное открытие, с вас номер, можно два. Присутствие всех обязательно...проверю...лично, — поднимает палец.

— Завтра вечером ждать тебя буду... Рита, — наклоняется к моему уху Айрат, обжигая его своим дыханием.

Потом подносит к носу палец с накрученными на него моими волосами. Нюхает опять. Медленно раскручивает. И, ни на кого не обращая внимания, выходит.

А я никак не могу собрать мысли в кучку. Сижу и тупо пялюсь на закрытую за ним дверь

* * *

Мой колхоз на этом благополучно закончился.

Следующим утром, до официального подъёма, девчонки проводили меня на автобус.

— Если будут проблемы, я с Наденькой договорюсь, не переживай, — успокаивает меня Люба. — Он за месяц на-

трахается здесь, забудет про тебя... — Умом всё понимаю, только сердце вот не согласно с её «забудет». Ноет недовольно в груди.

— Что с ним не так? — всё-таки спрашиваю.

— Да всё с ним так... богат, красив, не жаден. Единственный недостаток: больше одного раза ни с кем не встречается. Папа благосклонно разрешил дитятке развлечься у нас пару лет. Не думаю, что он вот прям музыкантом решил стать. Хотя данные у него очень даже ничего. Пару раз слышала. Ему, правда, и рот открывать не надо, достаточно просто на сцену выйти, и все кипятком писать будут от мала до велика...

Ухмыляюсь. Так оно и есть.

— Скучать буду, — Марго обнимает меня.

Мне грустно становится.

— Ритка, ждём тебя.... — машут они мне в окно.

Сижу, носом шмыгаю.

О нём думаю...

Внимание! В главе использованы слова из песни Владимира Кузьмина «Симона».

Глава 4

Примерно месяц спустя

— Марго, — зову негромко, заходя в женский туалет.

Маловероятно, конечно, что она всё ещё курит тут сидит, учитывая, что меня нехило так задержали. Но мало ли...

В честь моего приезда мы с девчонками решили куда-нибудь сходить. Поболтать, начало учебного года отметить.

Стою ещё несколько минут. Прислушиваюсь. Принимаю. И, не обнаружив ни звуков, ни сигаретного дыма, иду в раздевалку.

После долгого перерыва и почти шести часов нагрузок, мышцы приятно потягивает. И если бы не усталость с дороги и недосып, всё было бы вообще замечательно.

Всю ночь мужики в поезде, с которыми я ехала в одной секции в плацкарте, как и положено — бухали. Не буйные, но уснуть всё-равно было невозможно под аккомпанемент их шепота на весь вагон. Повезло ещё, что полка была верхняя, никто на голове не сидел. Угомонились они уже под утро, когда мне выходить нужно было.

До квартиры доехала, сумки бросила и сюда. Даже завтракать не стала. Плохо ещё пока ориентируюсь в незнакомом городе, опаздывать не хотелось.

А тут уже Марго меня встретила. Они с Любой после колхоза домой не ездили, с первого дня в школе. Примерные. Не

то что мы с Вале́й, — прогульщицы. Жалко только, что Люба во вторую группу попала, не с нами. А в остальном, мне очень даже всё нравится: и педагоги и, особенно, девчонки.

Улыбаюсь, вспомнив наши пляски с Марго на историко-бытовом, где я поначалу чуть было не заснула, а потом хохотала до слёз, когда Марго устроила там шоу деревянных башмаков вместо «Ландлера» (старинный немецкий и австрийский танец, прим. автора).

Спускаюсь по ступенькам вниз, в подвал, где находятся раздевалки у хореографинь да музыкантов.

Утром, когда переодевалась, кого только здесь не было — шум, гам, визги. Тут и распеваются, и инструменты настраивают. И всё это в небольшом полуподвальном коридорчике прямо напротив нашей раздевалки.

А сейчас, на удивление, тишина. Все разбежались. Никого нет.

Останавливаюсь, скольжу взглядом по закрытым одинаковым дверям. За утренней болтовней, не запомнила какая из этих дверей наша. Блин.

Стою, переминаясь с ноги на ногу.

— Привет, — раздаётся над головой, — заждался я тут тебя...

Вздвогнув от неожиданности, медленно поднимаю голову и обнаруживаю прямо перед собой насмешливый взгляд Айрата.

Ну, надо же, в первый день...

И какого чёрта он здесь делает?

Натянув на лицо равнодушное выражение, говорю ему свой:

— Привет! — делаю смелый шаг вперёд, типа знаю куда идти.

Только вот перед носом моим возникает шлагбаум из чьей-то руки, перегораживая мне путь.

Коридор узкий. Обойти его невозможно.

А он ещё так близко ко мне наклоняется, что я дыхание его на своей шее чувствую. Неудобно. Я потная вся, только из класса. После поезда тоже душа нормального не было. В квартире где я временно живу, душа просто напросто нет. Только тазик с водой. Поэтому помыться у меня получилось местами — подмышками, да за ушами, как мы раньше смеялись, когда во время концертов и конкурсов нас размещали в местах без удобств.

И эта божественно красивая и вкусно пахнущая скотина, с шумом втягивает в себя мой запах.

Хочется провалиться сквозь землю.

Это самая унижительная и мерзкая ситуация, в которую я когда-либо попадала в своей жизни. Возникает дикое желание расцарапать его красивую физиономию.

Сжимаю от злости кулаки, прекрасно понимая, что силы наши не равны.

— Пропусти придурок, кричать буду...

— Обожаю, когда девочки кричат...

Щёки вспыхивают не хуже самого спелого помидора от этих его слов. Что он себе позволяет?

— Ты нормальный вообще?

— Ты меня кинула Рита... — заявляет мне этот говнюк.

Офигев от обвинения, поднимаю на него взгляд.

— Это шутка такая?

— Нет, не шутка. Ты должна мне свидание. Когда?

И на лице его такая довольная ухмылка появляется, будто он и правда, наслаждается каждым мгновением нашей встречи.

— Слушай, я понимаю, что ты привык, что тебе достаётся всё по щелчку пальцев, только вот ты мне не нравишься, и у меня парень есть... — выдаю на одном дыхании.

Удовлетворенно наблюдаю, как по его прекрасным скулам от злости желваки перекатываются.

Понимаю, что пора дёру давать, когда дыхание его над моим ухом вдруг почему-то тяжелеет, только вот вместо этого, я, как полная идиотка, упираюсь руками в его предплечье.

— Пропусти... — цежу сквозь зубы, упрямо пытаюсь взять штурмом неприступную Китайскую стену.

Но больше ничего добавить не успеваю.

Он реагирует моментально. Хватает меня двумя руками за плечи. Да так, что ахаю. В стену впечатывает, затыкая мой рот поцелуем. Прямо в общественном коридорчике...

Глава 5

Понимание того, что вот он тот самый поцелуй, о котором слагают стихи, поют песни и снимают фильмы, и он совсем не похож на то слюнявое облизывание моих губ Сёмкой, наконец сбивает с толку.

Шокированная этим открытием я перехожу сразу к последнему пункту инструкции для женщин-полицейских Англии, больше известной у нас как анекдот: расслабляюсь и получаю удовольствие. Мне нравится вкус его языка. Запах его кожи. Его желание проникает в меня наркотиком через слюну, с кровью по венам несётся к каждой клеточке организма. Мозг плавится, в животе бабочки радостно танцуют краковяк.

Его рука скользит по моей шее, палец касается мочки уха, язык по-хозяйски вылизывает мой рот, а я не обнаруживаю у себя в закромах ни дубинки, ни револьвера. Только послушно раскрываю губы, и чуть ли не стону от удовольствия, растекаясь в его руках лужицей...

...Пока его рука не ложится на мою грудь, и... не сжимает её...

В этот момент в голове моей будто щёлкают предохранители и мои челюсти захлопываются на его языке сами собой.

— Блядь — отдёргивает он голову, — ты нормальная вообще? — Кадык на его шее дёргается.

Напряжение в воздухе становится настолько ощутимым, что единственное, что мне приходит в этот момент голову, так это — бежать.

К тому же, помню прекрасно, что лучшая защита — это своевременное бегство, особенно когда силы неравны. Только вот рука моя живёт независимой от меня жизнью, сама делает замах, и... вдруг зависает в нескольких сантиметрах от его щеки, перехваченная в воздухе чьей-то цепкой лапкой.

Сердечко в груди позорно съёживается в малюсенький комочек, когда глаза напротив вспыхивают адскими огонёчками, давая мне понять без слов, что с рук мне такое самоуправство просто так не сойдёт.

Замираем оба, прислушиваясь к звонкому цоканью каблучков по ступенькам.

Айрат отпускает мою руку, немного отстраняется. Я делаю шаг назад и, сжав на всякий случай кулаки, поворачиваю голову в сторону приближающихся звуков.

Внутри всё кипит, бурлит и фонтанирует. То ли от страха, то ли от негодования.

— Ой, Рит, хорошо, что ты не убежала ещё, — из-за угла вылетает на полной скорости Наденька. — Хочу тебя парню одному показать... — останавливается, скрипнув подошвами туфелек. Переводит взгляд с меня на Айрата. — Всё нормально? — спрашивает у меня.

Я поспешно киваю.

— Бердяев, а ты что здесь делаешь?

Ощущение, что я где-то слышала эту фамилию, но на нервах вспомнить никак не могу.

— Разговариваем, давно не виделись... — как ни в чём ни бывало, отвечает Айрат.

— Вы когда познакомиться успели, она только приехала?

— В колхозе...

— Что ты мне лапшу на уши вешаешь, она там не была...

— Как не была? — Айрат округляет глаза.

— Была несколько дней, — подаю я голос, — а потом уехала...по семейным обстоятельствам...

— Ну, да, — подхватывает тут же Айрат. — Вот, хотел узнать, всё ли нормально...с семейными обстоятельствами...

— Ладно, — перебивает его Наденька, — у тебя пуанты есть? — обращается ко мне.

Киваю.

— Тогда бери и поднимайся, ждём тебя.

— М-м-м... — мычу, напрочь забыв её отчество.

«Что?» — спрашивает Наденька одним кивком головы.

— Я забыла где наша раздевалка...

— Бердяев, ну, помоги уже ребёнку разобраться тут в ваших катакомбах. И Рит, быстрее только, — даёт указания и убегает.

Я растеряннo моргаю, прислушиваясь к удаляющемуся цоканию её каблучков, не понимая, как себя теперь с ним вести.

Айрат, тем временем, выпрямляется, делает шаг назад, и

я уже начинаю подумывать, что он свалить собирается, и всё само собой разрешится. Но у него другие планы...

— Пойдём... — берёт он меня за локоть, — познакомлю тебя с нашими тёмными закуточками с разрешения твоего педагога.

Он же шутит так, да?

Пытаюсь стряхнуть его пальцы со своего локтя — Ни фи-га! Вцепился, как клещ энцефалитный.

— И мне похуй, знаешь... — наклоняется он к моему уху.

Я непонимающе округляю глаза. Это он о чём?

— Что у тебя парень есть, похуй... — любезно уточняет он, распахивая перед моим носом дверь.

А я с облегчением выдыхаю, обнаружив на стульях спящую Марго, вид которой прибавляет мне смелости.

— Так это не тебе решать, — заявляю, со всей силы дёргая на себя дверь.

Надеюсь, она закрывается изнутри?

— Бля-а-ать, — раздаётся протяжное над головой. — Ты чего творишь, коза?

Ой! Залетаю внутрь, наплевав на дверь.

— Что опять не так? — Марго открывает один глаз.

— Какого хуя ты спёрла Лёхин саксофон, он в стрессе все этажи оббегал уже... — нагло вваливается.

Я, нервно сглотив, начинаю рыскать по комнате глазами. И правда, — под стульями, в самом углу комнаты лежит кофр с инструментом.

— Пойдём, — Марго, резво подскочив с места, хватая его за руку, тащит в коридор. Я иду за ними, вдруг помощь какая понадобится. — Что непонятного? — тычет Марго пальцем в плакат, на котором крупными буквами написано: «ТИХИЙ ЧАС».

— А нормально нельзя было сказать, сразу пиздить, ты знаешь вообще сколько он стоит?!

— Я говорила, — взвизгивает Марго, встав в позу разъяренной жены со скалкой, топает для убедительности ногой.

— Саям, Айрат — вмешивается в их разборки, взявшаяся из ниоткуда девушка, и, судя по форме футляра, в руках у неё тоже саксофон. Приветствует нас с Марго взмахом руки. — Видела, видела... — пробегает глазами по плакату, соблюдая тишину...понятно. — Кладёт кофр с инструментом на выступ. — А ты чего здесь пасёшься? — Обращается к Айрату, — там в общагу свежих цыпочек подвезли, сейчас Кох всех разберёт, ничего нормального тебе не останется.

Айрат фыркает, и, приобняв меня за плечи, выдаёт неожиданное:

— Смотри какая балеринка... — и пока я в шоке пытаюсь подобрать хоть одно подходящее слово, чтобы ответить, сволочь эта сжимает пальцами моё плечо. — Раз пять меня уже послала, — добавляет он таким тоном, что непонятно: угрожает он мне или сей факт ему сильно льстит. — Думаю, что пока занят я...

Охренев, я так и стою с ним рядом с отвисшей челюстью.

И Марго молчит.

— Ух-ты! — первой отмирает девушка с саксофоном. —
Я Сашка. Обращайся, если что... — говорит мне.

Глава 6

— Он докопался до тебя, потому что ты его послала... — Любана, перекладывает в мою тарелку с салатом половину своей курицы, — ешь давай, жопу отращивай, а то смотреть на тебя не могу, завидно...

Тарашу на неё глаза. Не согласна я с ней. Только спорить, с прилипшим к позвоночнику желудком, совсем не хочется. Отрезаю от её курицы кусок, заталкиваю его в рот, вот оно — счастье! От удовольствия аж глаза закатываю. Всё остальное — потом.

— Не привык он к такому обращению... — уточняет нюансы Люба.

— Му-у-у... — мычу. Головой мотаю. Демонстрируя ей своё возмущение.

— Пусть привыкает, — переводит моё мычание Марго.

— Угу, — киваю в знак согласия, продолжая самоотверженно работать челюстями.

Как я вообще выжила сегодня?! Сутки почти не спала и столько же ничего не ела. Последний час вообще уже не соображала. Повезло ещё, что Наденька не стала меня долго мучить, заметив моё состояние нестояния. Показала парню, поговорили и отпустила.

А этот придурок ещё взял и потащился следом. Вот что ему от меня надо?!

— Прикинь, — продолжает Люба, не дав мне погрязнуть в размышлениях, — мы же не сказали Коху, что ты уехала, надеялись, что он не заметит, забудет. А он к нам прям в обед припёрся, выходной как раз в полях был. Все к откритию готовились. Ну, мы одеяло свернули, положили на твоё место, накрыли покрывалом...типа спишь. Вокруг орут все, носятся по кроватям, костюмы примеряют, а Рита у нас притомилась средь бела дня, спит, — прыскает. — Кох, сволочь такая, заходит, и сразу к тебе. Валюха ближе всех стояла, рванула на перехват, не рассчитала немного, чуть сдвинула твою кровать. Кох на неё прям цыкнул, представляешь! — Приподнимает удивлённо брови. — Да ещё недовольно так: «тихо, не видишь что ли, — чуть ли не Пизда Ивановна ей, — девочка спит» — и такой, раз — берёт твою кровать за раму, чтобы на место поставить: «кач-кач» — покачивает её в руках, как штангу, а она ж не весит нихрена....Бляяя, я чуть под кровать не ушла, когда он глаза вытаращил...

Не сдерживаюсь, прыскаю вслед за ней, представляя вытаращенные глаза Коха.

Кусок салата залетает не в то горло, перекрывая дыхание.

— Аккуратно..., — Марго со всей дури дубасит меня по спине, — вот так и умирают в расцвете лет... — причитает.

— Всё, всё... — сбегая от её тяжёлой лапки почти под стол. — И что потом? — интересуюсь, прокашлявшись. Вытираю пальцем слёзы с глаз.

— Да ничего, сказали ему, что обстоятельства у те-

бя...брат на побывку из армии пришёл, раненый... — округляю глаза, поворачивая голову в сторону Марго.

— Какой брат? — отродясь у меня никакого брата не было, даже двоюродного.

— Эдгар.

— Почему Эдгар-то?

— А почему нет? Красивое же имя, моя бабушка без ума от Эдгара... герой из сериала какого-то, кажется... — поясняет Марго, жуя.

Ой, блин! Ещё и Эдгар...

— А если бы он спросил?

— Ну, не спросил же, так что прокатило, не ссы...

Действительно.

Набиваю рот едой. Пусть мне потом плохо будет, но я съем сегодня всё. До последней крошки. Ещё и за такие деньги.

Можно было бы и столовку какую-нибудь поискать, но такие голодные все были, что решили не париться и пойти в ближайшую харчевню.

Кто так кафе обозвал? Марго?

— Да он забыл всё уже давно, — машет рукой Марго. — Ещё и цыпочек свежих им подвезли, Сашка же сказала...

— А она с ним учится? — перебиваю.

— С Айратом она учится, — отвечает за неё Люба, — единственная девушка саксофонист или саксофонистка. Как правильно? — смотрит на нас по очереди, и, не дождавшись никакого от нас ответа, продолжает: — прикольная. Голос

обалденный. Они вместе в каком-то кабаке подрабатывают...

— А он подрабатывает?

— Ну, почему нет? Не всё же на папиной шее сидеть. К тому же, весело там у них... — широко улыбается.

— Мне б тоже работу какую-нибудь, — подхватываю тему.

Вспомнив, что денег у меня не густо, а премилейшая, на первый взгляд, бабушка, совсем непрозрачно намекнула, что за питание было бы неплохо и денег дать. И за те деньги, что она мне обозначила, я смогла бы месяца два кормиться, как минимум. Если не шиковать, конечно, как сегодня.

Так что, работа позарез нужна.

Утолив голод, осматриваю помещение: небольшое, полуподвальное. Но вполне себе уютное. Негромкая музыка фоном, по ушам не долбит. Даёт поговорить. Народу немного: парочка в уголочке мило беседует, парни неподалёку от нас, да мы.

— Я могу спросить... — с готовностью откликается Люба.

— Что? — не поняла её.

— Где работают, и не нужна ли им подтанцовка, а то, может, и меня по благу возьмут, — громко хохотнув, хлопывает себя руками по окорокам, — девки, как похудеть, а? — смотрит жалостливо на меня. — Рит, не бери в голову, — откидывается на спинку стула, махнув на меня рукой.

— В кабаке работать? — я всё-таки уточняю.

— Да там как раз и самые деньги, ну, и в клубах ещё?

— подключается к обсуждению Марго, — на детках столько не заработать. И без отрыва от производства, работа ночная, в основном. Надо поговорить с Сашкой, да. — Смотрит на Любу. — Айрат, кстати, — переводит взгляд на меня, — спрашивал, когда ты приедешь.

— Да ну его, — отмахиваюсь. Отвожу взгляд.

Щёки вспыхивают моментально. Гадство!

Хорошо, что темно, позора моего не видно.

Прикасаюсь тихонечкр кончиками пальцев к губам, которые покалывать начинает.

— Так он за тобой что ли попёрся? — не щадит меня Марго.

— Ага, — втыкаюсь взглядом в тарелку, внимательно рассматривая остатки еды.

— И что? — не отступает она

— Наденька попросила его дверь закрыть... снаружи.

— Закрыл?

— Закрыл, — киваю.

Не рассказываю уж, что не сразу у него это получилось. Раза с третьего, и то, после долгих переговоров с Наденькой.

Позор мне! Первый день, и сразу так влипнуть.

— А Ромашка наш как тебе? — слава всем богам, Люба переводит тему.

— Нормально, — отвечаю, прикрыв рот рукой, пытаюсь проглотить еду. Она, как назло, не глотается. Молча, жую, вытаращив глаза. Наконец, справляюсь. — Симпатичный, на

Бреда Пита похож...

— Женатый, блин... — разочарованно добавляет Люба.

— Да?

— Пфф, — фыркает, — по закону подлости все нормальные мужики прибраны давно уже к рукам...Ромка, Лёха....Пойти умереть с горя что ли...

— Да ладно тебе из-за блядмейстера умирать... — подбадривает её Марго, — там отродясь нормальных мужиков не водилось? Ни одного не знаю.

— Ромка нормальный, ты чего... — заступает за него Люба.

— А жена с ним учиться? — прерываю их перепалку.

Он так смотрел на меня, что в голове ни разу не мелькнула мысль, что он может быть несвободен, да ещё женат...

— В академе сейчас. Она у него вообще бибка, говорят, ещё и страшненькая...

— Бибка — это кто?

— Ну ты мать даёшь!? — Марго картинно возводит глаза к потолку, — библиотекарьша, кто же ещё. — Нормальный мужик разве чернокнижницу в жены возьмёт, сама подумай? — тычет себя пальцем в висок.

Моргаю.

Не доходит до меня с разбегу суть проблемы. Ну, да ладно.

— Он по залёту кажись женился... — делится ценной информацией Люба.

— Тем более, — Марго непреклонна, — нормальный му-

жик должен уметь свою пипирку контролировать: в кровать не ссать и вовремя вынимать... — выкрикивает, хлопнув ладонью по столу.

Я закрываю рукой лицо, поглядывая на присутствующих, сквозь пальцы. Подбираюсь вся, встретившись взглядом с парнем сидящим за столиком неподалёку. Быстро отвожу взгляд, почувствовав, что краснею.

— А у нас сколько парней? — спрашиваю шёпотом, чтобы не привлекать внимание.

— Штук десять, кажется, — Марго и не думает убавлять громкость, — пол мужика на бабу, маловато... — разворачивается, и мило так улыбается парням, которые с большим интересом нас сейчас рассматривают. Приветствует их взмахом руки.

Они тут же поднимаются со своих мест, к нам идут.

Так просто?

— Можно? — дежурно интересуется самый смелый. Или самый главный. Не понять так сразу. — Я Слава, — представляется. Берёт стул из-за соседнего столика, и садится, почему-то рядом со мной. Сигнализирует поднятой рукой официанту. — Девчонки, что будете? — обращается, окидывая нас по очереди внимательным взглядом.

Я немного отодвигаюсь от него, намереваясь уже ему заявить: «спасибо, нам ничего не надо, у нас всё есть».

Только не успеваю и рта раскрыть.

Марго с Любой начинают заказывать, перебивая друг дру-

га.

Глаза мои увеличиваются в размерах пропорционально их аппетитам, превращаясь в о-очень большие блюда.

А что, так можно было? Я немного в шоке.

— Что будешь? — Слава наклоняется ко мне почти бездыханной.

Смотрю на странные подёргивания глаз Марго, выдавливаю из себя:

— Тортик и чай... — сегодня мне пожалуй можно и тортик. Денег бы только хватило.

Нервный тик у Марго прекращается.

— Тортик? — уточняет Слава.

— Ага, какой есть?

Перед носом тут же появляется меню десертов, от цен которых глаза начинают дёргаться уже у меня. Причём оба. Ещё и волосы на голове шевелиться, несмотря на тугую дульку.

Что у них в составе у этих тортиков, бриллианты?

— Вот этот, — показываю подрагивающим пальцем на самый недорогой.

— Возьми этот, — палец Славы тычет совсем в другой ценник.

— Нет, мне этот, — настаиваю, прикинув в голове, что на этот, хотя бы у меня денег хватит.

— Хорошо, — соглашается Слава. — Счёт мне, и за девчонок тоже... — добавляет на вопросительный кивок офи-

цианта.

Ой!

«Это вообще есть можно? — думаю, разглядывая свой сухой кирпичик, незамедлительно мне доставленный, — на сухонные какашки сильно смахивающий».

Отодвигаю тарелку. Девчонки о чём-то мило беседуют с парнями. Я сижу, тортик свой оплакиваю, парней втихаря разглядываю.

Их четверо. Похожи друг на друга, как братья. У всех короткие стрижки, почти под ноль. Только Слава немного от всех отличается. Он один не в чёрном, и он один не принимает участия в беседе. Занят. Отсчитывает деньги. Или пересчитывает? — перегнув толстую пачку через ладонь, и быстро-быстро перебирая купюры пальцами. Внимательный, цепкий взгляд, направлен в одну точку.

Я в жизни своей столько денег не видела, но поражают меня сейчас не они, а его лицо, больше похожее на каменное изваяние. Ни одной эмоции на лице. Жутковато.

Хотя он вполне симпатичный. Довольно высокий. Сбитенький такой. Спортом, похоже, активно занимается. Чёрные короткие волосы. Карие глаза. Сколько ему лет интересно? Лет двадцать пять?

И столько денег уже...

Или просто выпендривается?

— О чём задумалась? — спрашивает он, закончив своё увлекательное занятие.

Бросает несколько купюр на стол. Остальные убирает в карман, сложив пополам.

— О тебе, — честно признаюсь.

— Неужели? — прищуривается.

Взгляд колющий. Неприятный.

— Ага...

— И что конкретно ты думала обо мне, — спрашивает, вздёрнув бровь.

— Слав, я сама за себя заплачу... — горделиво сообщаю.

Несколько секунд он напряжённо думает, уставившись на меня. Нервно постукивая пальцем по коленке.

— Не сегодня, хорошо? — реагирует, на удивление, адекватно. — Что в субботу делаете? — спрашивает у всех.

Все замолкают мгновенно. Направляют свои взоры на Славу.

Я незаметно выдыхаю. Было, если честно, чуточку нервно.

— Приглашаю вас в клуб... — поворачивается уже ко мне, как будто моего согласия ждёт.

Я то здесь причём?

Пожимаю плечами, стреляя глазами на девчонок.

Мне так-то возвращаться ночью нельзя. Неудобно. Но, может, ему об этом не говорить пока? Сначала с девчонками всё обсудить?

Которые начинают тут же бурно обсуждать с ним подробности.

Я не вмешиваюсь. Мне всё-равно.

— Ну, тогда давайте мы вас проводим, если мы договорились, — подытоживает он, поднимаясь со стула.

Парни послушно встают со своих мест вслед за ним.

Главный — делаю вывод.

— Арсен, развези девчонок по домам, — даёт указание другу, когда выходим, — я не успеваю уже. До субботы девочки, — останавливает свой взгляд на мне на секунду. Потом разворачивается, и быстрым шагам идёт к машине, стоящей через дорогу.

Мы идём в другую сторону.

— Пошёл вон отсюда! — оборачиваюсь на громкий выкрик, — Слава беседует с каким-то пацаном, кланчащим, похоже, у него деньги. — Я же тебе говорил, приходи, помой машину, заработай, дам. Если ещё раз увижу, что попрошайничаешь, руки поотрываю...

Мне становится жалко шмыгающего носом, грязного пацанёнка. Но стоит только автомобилю Славы скрыться за поворотом, как мальчишка идёт вдоль машин дальше с протянутой рукой, озорно мне подмигнув.

Арсен честно развозит нас по домам.

Я полночи потом не сплю.

Первый учебный день...

Блин. Блин, блин...

Глава 7

«Лучше бы я в клуб в субботу поехала...» — думаю, разглядывая в зеркале, начинающие уже темнеть синяки на теле.

Поворачиваю голову из стороны в сторону. Рассматриваю скулы, трогаю их пальцами: синяков вроде нет...пока, но дотрагиваться больно.

Сердце начинает бешено стучать от нахлынувших воспоминаний, а следом пальцы в кулак сами собой сжимаются.

В какой-то момент казалось, что всё, — нет больше сил сопротивляться. Что именно сейчас случится то, чего я больше всего боялась. Рот ладонью зажат. Она пахнет отвратительно воблой, которую терпеть не могу. Крикнуть не получается, как ни пытаюсь. Только хрипы, отнимающие последние силы. И паника.

Какими-то чудом удаётся выскользнуть из под него, когда он руку перехватывает. Падаю на четвереньки на пол. Ни подскочить, ни отползти не успеваю. Рука его подхватывает меня за талию, как пушинку, на кровать швыряет. Отталкиваю его ногами, вывернувшись. Он не ожидал по-видимому от меня такой прыти — отлетает, падает на коробку с моими вещами. Матерится в голос. У меня получается взвизгнуть...

Бабушка с веником прибежала, колотить его начала. Он вышел сразу. Не сопротивлялся, не кричал, несмотря на то,

что пьяный был. Сестра так и не появилась. То ли пьяная спала, не слышала ничего, то ли просто не захотела...

Сажусь на стул, раскладываю вещи.

Даже в страшном сне не могла представить себе, что вляпаюсь в такое.

Что делать, непонятно...

Днём бабуля, старалась вести себя, будто ничего не случилось. В глаза только не смотрела. Отводила взгляд. Чувствовалось, что ей неудобно, неловко. И мне вместе с ней.

Идиотская совершенно ситуация: меня чуть не изнасиловали и мне же неудобно за это.

Я весь день в комнате просидела ожидая, когда сестра с мужем вернутся. Но они не вернулись...

С утра подскочила, побросала в сумку вещи первой необходимости, приехала. Боялась, что корпус закрыт будет в такую рань, но опасения мои были напрасными. В некоторых классах свет горит уже, звуки инструментов доносятся. Ключ без проблем дали.

Только в раздевалке выдохнула, почувствовав, наконец, себя в безопасности.

Хорошо тут. Тихо. Никого нет.

Переночевать, если что, можно. Стулья составить, как некоторые днём делают. Форму в раковине в туалете постирать. Только с питанием непонятно. Чайник у кого-нибудь попросить?

Блин...

Меняю лифчик на тренировочный. Не могу решить: форму надеть или просто футболку пока. До урока ещё часа полтора.

Вскидываю голову на звук открывающейся двери, прикрывая грудь футболкой.

Я что на ключ не закрылась? Балда!

В проёме заспанная Люба появляется.

Ух! — отлегло. Рада её видеть.

— О, привет! — машет она мне рукой. Улыбается. — Ответь-ка мне красавица, за что это ты нас в субботу так жёстко кинула? — наезжает, картинно упирая кулаки в бока. — Мы ждали тебя, ждали... Слава нас чуть в заложники не взял, пришлось сдать ему все явки, пароли, чтобы выпустил. Ты куда пропала вообще? — закидывает вопросами.

Отвожу взгляд.

Не знаю, что ей сказать. С чего начать.

Можно, конечно, сказать, что надеть было нечего. Тем более, что правда это.

Дыхание, тем не менее, тяжелеет.

— Что это с тобой? — Люба нависает надо мной тяжёлой тучкой. — Охуеть! — вскрикивает. — Кто тебя так? — садится рядом.

Глаза жечь начинает. Зажимаю кончиками пальцев уголки глаз, чтобы не разрыдаться.

Люба несколько секунд смотрит на меня внимательно. Потом обнимает одной рукой, притягивает к себе.

Я всхлипываю. Потом ещё раз. И ещё...

Она гладит меня по спине, ничего больше не спрашивая. Отчего ещё жалче себя становится. Не сдерживаюсь, начинаю позорно рыдать в голос.

— Чай будешь? — предлагает, когда рыдания мои переходят в редкие всхлипывания.

— Ага, есть?

— У меня всё есть. — Похлопывает меня по спине, прежде чем выпустить.

Без её объятий холодно становится. Кожа мурашками покрывается моментально. Натягиваю футболку с длинными рукавами.

Достаю полотенце, вытираю лицо. Высмаркиваюсь.

Оправдываться бессмысленно. Хоть немного и неудобно. Развела тут сырость ни с того ни с сего. Неврастеничка.

— Рассказывай давай. — Люба протягивает мне чашку от термоса с дымящимся чаем. Себе наливает в другую. Достает из сумки бутерброды с сыром и колбасой, завернутые в фольгу. Протягивает один мне. Второй убирает в сумку. Не ест. На диете поди опять.

Делаю несколько глотков. Чай горячий. Сладкий. Согревает изнутри.

Утром бабушка встала меня проводить. Щи разогрела, я не стала есть. Отказалась. Сестра с мужем так и не объявились...

— Там это... — начинаю, настроившись, — в субботу

сестра, ну, которая дочь новой жены отца, — поясняю, — пришли домой пьяненькие с мужем. Пригласили меня к себе. Посидеть, поговорить, поближе познакомиться. Бабушка стол накрыла праздничный. Отказаться неудобно было... — шмыгаю опять, обхватив чашку двумя руками.

— И... — подгоняет Люба. — Напились, подрались?

— Если бы, — отхлёбываю из стакана, продолжаю: — в общем, ночью её муж ко мне заявился, домогаться начал... — голос дрогнул. Замолчала.

— О-ху-еть! — произносит по слогам Люба, вытаращив на меня глаза. А потом мотает отрицательно головой, как будто боится правду узнать.

— Нет... — выдавливаю из себя и тоже мотаю головой.

Думаю несколько минут. И рассказываю ей всё.

Про то, что пьяных мужиков боюсь до смерти, после того как собутыльник матери на меня слюни пускал, держась за ширинку. Что очень плохо сплю, когда в квартире мужики незнакомые находятся. А тут я просто не ожидала. Не воспринимала мужа сестры, как потенциальную угрозу. Уже засыпать начала. Не сразу сообразила, когда тяжесть на себе почувствовала. И запах перегара ...

Сердце реагирует незамедлительно на воспоминания. Начинает стучать быстро-быстро.

Делаю глубокий вдох, запиваю его чаем.

— А он, это...как выглядит, нормальный вообще? — пытается выяснить подробности Люба.

— Тише воды, ниже травы. — шепчу. — Даже пьяненький, сидел молча весь вечер...только смотрел, — вспоминаю, что и правда зыркал на меня исподлобья втихаря...

— Тихие они такие, — Люба тоже на шёпот переходит, — не зря же говорят: бойся тихого ребёнка, так и со взрослыми. А жена его?

— Не видела её больше...

— Бабушка?

— Ни словом не обмолвилась, как будто не произошло ничего. Только в глаза не смотрела, отворачивалась...

Люба обнимает меня крепко-крепко.

— Ничего не случилось, не бери в голову, в жопу всех...

Только хочу ответить. Дверь открывается...

Глава 8

— Ой, а что это вы тут делаете? — в раздевалку вваливаются девчонки: симпатичная блондинка с распущенными волосами и брюнетка с тугой шишкой на затылке.

Не помню их.

Улыбаясь, и с интересом на нас поглядывая, они проходят, занимая места напротив.

— Обнимаемся, а вы что подумали? — невозмутимо заявляет им Люба. Гладит меня по плечу.

Я, поддавшись порыву, прижимаюсь к её щеке своей на мгновение. И только потом отстраняюсь.

Пусть смотрят. Что такого? Может, мы не виделись давно...

Люба встаёт, начинает копаться в сумке. Достает сигареты. Бросает их на стул. Рядом тут же появляется пакет, потом ещё один.

— Работа никому не нужна? — вдруг спрашивает блондинка.

— Что за работа? — интересуюсь.

— В школе искусств, второй хореограф срочно требуется...

— Далеко?

— Нет, минут десять пешочком...

— Зажигалка есть? — перебивает нас Люба.

— Спички есть, — девушка, предложившая работу, достаёт коробок спичек из сумки. Протягивает.

— Пойдём, чашки помоем, — Люба кивает подбородком на дверь, засовывая спички в карман.

— Дашь контакт? — спрашиваю у блондинки, направляясь к двери.

— Если пойдёшь, я больше никому предлагать не буду, а то я клятвенно обещала поспрашивать, им срочно нужно, — и, дождавшись моего кивка, поворачивается к Любе: — спички оставьте в средней кабинке...

— Меня Рита зовут, — представляюсь, открывая дверь.

— Яна, — хлопает она себя по груди, приветливо улыбаясь.

— Они из балетных что ли? Не помню их в колхозе... — спрашиваю у Любы, когда отходим от раздевалки на приличное расстояние.

— Местные они. Яна была, опоздала на недельку. На твоей кровати спала, кстати. Из блатных. Дочь банкира какого-то. Но вроде нормальная. Вторую не помню как зовут, её в колхозе не было.

— Они с тобой в одной группе?

— Ага...

Чашки ставим на раковину. Сами идём в кабинку. Запрыгиваем ногами на унитаз. Люба закуривает...

— Рит, нахуя тебе эта школа с никакой зарплатой, даже на хлеб с молоком не хватит... — поднимает голову, выпуская

дым в потолок.

— У меня ничего не осталось почти. Я же за месяц запла-
тила...

— Ты отцу за жильё платишь?

— Ну, типа за питание...

— Ой, не смей меня а, — Люба закатывает глаза... —
сколько стоит прокормить птенца?

Пожимаю плечами.

Да, да, для меня это тоже было неожиданностью, но поде-
лать ничего уже было нельзя. Идти было некуда, если только
на вокзал.

Молчим обе.

И, судя по тому как дёргаются у Любы мышцы на лице,
мысленно она матерится, время от времени с шумом втяги-
вая в себя порцию никотина.

— Эй, вы где? — громкий шёпот Марго, вносит оживле-
ние в наше затянувшееся молчание.

Люба распахивает дверь. Марго запрыгивает на унитаз.
Достаёт из кармана сигареты. Зажигалку. Прикуривает.

Потом со звуком зевает, прикрыв рот рукой. Опухшая.
Ненакрашенная. Она вообще не заморачивается особо. Не
красится днём.

— Ты чего в субботу не пришла? Там Слава норовил весь
вечер к тебе поехать, серенады под окнами петь...Еле оста-
новили. Он из-за тебя нас пригласил, вход всем оплатил, а
ты взяла да и не появилась... — докладывает буднично, без

наезда.

— У неё ситуёвина... — вклинивается Люба.

— Да? Интересное что-то? — взбадривается Марго.

Повторяю ей свой невесёлый рассказ. Второй раз идёт легче. Без надрыва. Как будто пережила уже всё, и не о себе рассказываю, о ком-то другом. Такой взгляд со стороны получается...

— Пиздец, — комментирует ситуацию Марго, стряхивая пепел в унитаз. — Заявление бы на него накатать не помешало... — смотрит на меня. — Не будешь?

— Мне бы вещи оттуда забрать для начала...

— У меня пока проживёшь, — говорит уверенно. — Комната малюсенькая, кровать тоже, но бабуля — божий одуванчик...

— Неудобно...

— Неудобно шубу в трусы заправлять, — резко обрывает мои неудобства, — скажем, что ты сестра моя...близняшка, — фыркает.

— У тебя сестра есть? — любопытствую. Не в первый раз она уже сестрой меня называет. — Нет, но я всегда о ней мечтала, — и так смешно моргает, что прыскаю. — А так у меня бабушка с дедушкой, да мама инженер-нефтяник, которую я в детстве только по великим праздникам видела, поэтому мамой бабушку называла. И отец ещё — моряк дальнего плавания, или космонавт, не помню уже...

Замолкает, заслышав приближающийся цокот каблучков.

Сигареты мигом летят в унитаз. Дышать перестаём тоже, чтобы не спалиться.

— Так, дорогие мои, — недовольный голос Наденьки раздаётся прямо у двери в нашу кабинку, — почувствую от кого сигаретами несёт, не выйдете у меня из класса пока не сдадите последние связки, и... термины, — объявляет наказание и продолжает стоять, зараза такая.

Лёгкие гореть начинают от недостатка кислорода. Ещё немного и попадают наши бездыханные тельца у её ног. Слава богу, до обмороков нас не доводит, уходит.

Одновременно вдыхаем в себя туалетного воздуха, на скрип закрывающейся двери, и удаляющегося звука её каблучков.

Пронесло вроде как.

Курить в туалете нельзя, естественно, но кого это волнует?

Марго выглядывает из кабинки для надёжности. Закрывает дверь, кивает разрешающе, достаёт очередную сигарету.

— Кстати, — подойди к ней, — показывает в сторону входной двери, — по поводу общаги поговори, она выбьет. А пока у меня поживёшь.

Киваю, и перевожу тему:

— Вы-то как сходили, расскажите хоть...

— Блядь, — мотает головой Марго. Закатывает глаза. Люба ржать начинает. — Валя же тоже не поехала, — начинает с прелюдии, — у неё поезд опоздал, она никакущая была, а их там четверо. Ну, мы взяли да Лизуньчика пригласили для

комплектности, не знали тогда ещё, что тебя не будет...

— Это кто?

— Помнишь девчонка с парнем сосалась сутками, кровать у неё ещё прям напротив твоей стояла..

— А..., ну да, такое не забыть. Помню, конечно...

— Ну так вот, под конец месяца он уже с другой сосался, на твоей кровати. Яна там у нас такая объявилась...

— Ого! — смотрю на Любу, та мне кивает.

— Причём, все трое с нами учатся, да ещё в одной группе... — не обращает внимания на наши переглядывания Марго.

— А выглядели такими счастливыми, — вспоминаю.

— Да ему кажись жить негде, козлина блядь, яйца бы ему подкрасить... — возмущается Марго. — Ну так вот, пригласили мы её... — продолжает, махнув рукой. — Она девка вроде нормальная, только по пьяни пизде своей не хозяйка, как выяснилось. Не пили с ней, не в курсе были нюансов таких. Через пару коктейлей она у нас поплыла. Начала до Арсена домогаться. Мы её в туалет, морду лица освежить, ей похрен. Тащим её волоком почти на выход. Хорошо, что она мелкая, сил много не надо. А там Слава нас с распростёртыми объятиями встречает: чё, как, куда? Пришлось объяснять. Он, на удивление, адекватным оказался. Предложил такси оплатить. А мы и не знаем куда её везти... — Марго взмахивает рукой, задевая меня своей сигаретой. — Ой, прости! — отряхивает.

— Что дальше? — подгоняю, стряхнув с себя пепел.

— Она орёт на всю улицу: «хочу грузина». Пиздец, блядь, позорище! — Люба ржёт стоит. Марго показательно глаза закатывает. — Попёрлись в общагу. Больше некуда. На лавочке же её не оставишь. Начали в окна стучаться. Кох нас затащил...

— Да ладно?! — удивлена я.

— Так мы ещё там с ними до утра куролесили. Пьянь построили, пока ехали, её ещё сильнее развезло, про грузина забыла, слава яйцам. Кох нас к какому-то Димону подселил. У него соседи по домам разъехались на выходные, три кровати пустые... Мы у него и поспали и поели и помыться в душ сходили. Нам и полотенца и чистое бельё выделили. Вечером только уже по домам разъехались. Может это, с Кохом ещё по общежитии переговорить? — заканчивает свой рассказ вопросом Марго.

Мне хочется спросить про Айрата — не решаюсь.

— Надо, — откликается Люба. — Найти бы его только. Он поди никак из гарема своего не выберется, — выбрасывает бычок в унитаз. — Пойду аудиторию искать, у нас какая-то история по расписанию. До обеда тогда... — кладёт спички на перегородку средней кабинки, выходит.

Мы с Марго идём переодеваться на классику.

После разговора легче становится. Ощущение, что ты не один — греет. Сил придаёт.

В класс захожу уже в нормальном состоянии. Мышцы тя-

нет немного, но это привычно. После большого перерыва всегда так.

А потом Наденька до меня докапывается: сигаретами пахнет, в облаках витаю, о мальчиках думаю, вместо дела. И по-неслась... Два часа не отходит от меня ни на секунду.

Выбивает опять из равновесия.

После урока отпускает на полчаса: перекусить, да переодеться перед репетицией экзаменационного номера старшекурсников.

Спускаюсь в раздевалку, представляю, как Ромка будет меня за синяки хватать — ничего не хочу.

— Привет! — вздрагиваю от знакомого голоса.

Не поднимая головы, пытаюсь обойти. Айрат хватает за руку. Прямо за синяк. Больно зараза. Мошусь.

— Отпусти, — шиплю, пытаюсь выдернуть руку.

— Ты чего такая напряжённая?

— Тороплюсь... — отворачиваюсь от его обволакивающего взгляда.

— Поцелуемся?

— Да отстань ты уже от меня! — рычу, чувствуя, что ещё немного и забьюсь в истерику. — Терпеть не могу прилипал...

— Иди... — пальцы его разжимаются.

Моя рука падает вниз безжизненной плетью, как будто удержаться без его поддержки не может.

Поворачиваю голову. Смотрю на его удаляющуюся спину.

Внутри застывает всё. На душе муторно...

Глава 9

Коза, блядь...

По-хорошему, забить на неё, забыть, и пиздовать радостно на лекцию, как планировал.

Что там у нас сейчас по расписанию? Основы экономики?

Насрать на экономику.

Иду в класс к пацанам.

Давно так хреново себя не чувствовал...

— Тебя Альбинка искала, — докладывает Лёха, отрываясь от саксофона, когда захожу.

— Давно?

Только её мне для полного счастья сейчас и не хватало.

— Да буквально минут пять-десять, не встретились?

— Нет...

Беру гитару. Сажусь, облегчённо выдохнув. Настроение говно, могу сорваться, нагрубить. А я девочек не обижаю, даже тех на которых пробу негде ставить. Её тело, её дело...

Хотя немного притомила уже. Обычно с первого раза все всё понимают, а этой похрен.

Постепенно втягиваюсь в процесс.

Лёха, красавчик. В ударе сегодня. Жжёт. Талантище. Ему бы в Москву, только вляпался парень. Женился. Теперь Москва ему вряд ли светит. Жена ещё та стерва. Да и ребёнка не бросишь. Крутится парень, как может.

Все беды от баб, давно известный факт.

Именно поэтому я больше одного раза ни с кем не встречаюсь. И даже минет в резинке, чтобы во рту не унесла...

Пока репетировали, отошёл, забылся. А как только пацаны по делам разбежались, опять грусть-тоска накатила. В голове она, хоть голову отрезай.

Дала бы сразу, не ломалась, и ничего бы этого не было. Хорошо бы всем было. И ей тоже...

Сiju, струны перебираю. Но даже это сегодня не помогает.

Убираю инструмент в чехол, решив забить на учёбу окончательно, и поехать грушу помолотить. Дурь из башки выбить.

Год ещё только начался, догоню. К тому же, отличной успеваемости от меня никто не требует. Да, поначалу, перегнул немного. Пошумели мы с Кохом в первый год. Честно в армию сходили, как того отец пожелал. Местами даже понравилось. Всё, урок усвоил, меру знаю.

Деньги подаренные на совершеннолетие, и вложенные мною в акции от балды, начинают приносить мало-мальский доход. Новичкам везёт.

Плюс кабак. На жизнь хватает и без помощи отца.

Всегда был жизнью своей доволен, даже в армии. Что случилось-то, что так корёжит?

И чего я до неё докопался, девчонок мало вокруг? Только свистни, любая прибежит, ноги раздвинет...

Вот сегодня вечером и займусь этим вопросом.

На этой оптимистичной ноте, направляюсь на выход.

— Привет, Айрат, — судя по терпкому запаху, быющему в нос, — на шее висит Альбина.

Вспомнил, блядь...

Громкий чмок в уголок губ — раздражает сигаретным запахом. И вообще раздражает. Смотрю на её ярко-красные губищи, вытираю щёку. Она голову на плечо кладёт, не обращая внимания на шляющихся вокруг людей.

— Соскучилась по тебе, — томно шепчет.

Тфу... Противно.

Протягиваю руку однокурснику, чуть подвинув её в сторону, проходящему в этот момент мимо. Ей пофиг. Вцепилась как клещ энцефалитный, хрен отцепишь теперь.

— Давай потом, — вдруг решаю развеяться.

Всё лучше чем изводить себя ненужными мыслями.

— К тебе? — с радостью соглашается тут же. Тянется к губам.

— Вечером, сейчас занят...

— Во сколько?

— Найду тебя, жди. — Шлёпаю её по заднице. Она звонко взвизгивает. — Всё Албин, тороплюсь, — буквально отрываю её от себя...

Хотел просто отодвинуть, не рассчитал, получилось грубовато, как будто оттолкнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.